

Мамиев Михаил Эрнестович

ХРАМОВЫЙ КОМПЛЕКС МАДЫ МАЙР?М В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ-АЛАНИИ

Предлагаемая статья посвящена интерпретации средневекового архитектурного комплекса Мады Майр?м (Богородицы), расположенного в горной зоне Северной Осетии-Алании. Формирующая основа комплекса - небольшой безапсидный храм и расположенная неподалеку оборонительная башня. По преданию, здесь до конца XVIII в. сохранялась особо чтимая икона Богородицы, впоследствии получившая широкую известность как Моздокская. Проведенный анализ позволяет предположить изначальный монастырский характер рассматриваемого комплекса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-5/39.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 5. С. 153-156. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

4. **Воронцова И. В.** Русский христианский модернизм в контексте церковного реформирования: 1-я четверть XX в.: дисс. ... к.и.н. М., 2009. 281 с.
5. **Головушкин Д. А.** Феномен религиозного обновления: теоретико-методологические аспекты исследования // Философия и современность. 2014. № 3. С. 107-115.
6. **Гуревич П. С.** Фундаментализм и модернизм как культурные ориентации // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 154-162.
7. **Деяния Вселенских Соборов:** в 2-х т. М.: Издательство Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2008. Т. 1. 902 с.; Т. 2. 1250 с.
8. **Кодекс канонического права.** М.: Институт теологии, философии и истории св. Фомы, 2007. 624 с.
9. **Кувакин В. А.** Религиозная философия в России: начало XX века. М.: Мысль, 1980. 309 с.
10. **О неизменяемости канонов** [Электронный ресурс] // Богослов: научный богословский портал. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/393089.html> (дата обращения: 06.12.2017).
11. **Помазанский Михаил, прот.** Православное догматическое богословие. Джорданвилль: Holy Trinity Orthodox Mission, 2001. 158 с.
12. **Рашкова Р. Т.** Католицизм. СПб.: Питер, 2007. 240 с.
13. **Троицкий С. В.** Что такое модернизм: Энциклика Пия X "Pascendi Dominici gregis" и ее значение. СПб.: Тип. Монтвида, 1908. 66 с.
14. **Философия:** энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1064 с.
15. **Фрис В. де.** Православие и Католичество. Противоположность или взаимодополнение? Брюссель: Жизнь с Богом, 1992. 160 с.
16. **Цыпин В., прот.** Каноны и церковная жизнь. Об актуальных проблемах правовой жизни Церкви // Церковь и время. 2000. № 2 (11). С. 132-149.
17. **Цыпин В., прот.** Церковное право: курс лекций. М.: Издательство МФТИ, 1994. 440 с.
18. **Lamentabili sane exitu** [Электронный ресурс]: Декрет Конгрегации Священной Канцелярии. URL: http://krotov.info/acts/20/1900/1907_07_03_lamentabili.htm (дата обращения: 14.11.2017).

**RELIGIOUS REFORMISM AND RELIGIOUS MODERNISM:
THE PROBLEM OF UNDERSTANDING THE DEVELOPMENT OF TRADITIONAL CHRISTIANITY**

Malimonova Svetlana Alekseevna
State Archive of the Sverdlovsk Region
echo-c@mail.ru

The article studies the understanding of religious reformism and religious modernism in traditional Christianity in connection with the development of the internal (theology, dogmata and canons) and external (liturgical practice, sacraments, ceremonies, etc.) aspects of religion. As a result, the notions of religious reformism and religious modernism are proposed to consider separately, in view of the difference in their origin, time of origin, goals, tasks, external and internal manifestations.

Key words and phrases: religious modernism; religious reformism; traditional Christianity; Revelation; evolution of religion; dogmatics; dogma; canon.

УДК 930.85

Исторические науки и археология

Предлагаемая статья посвящена интерпретации средневекового архитектурного комплекса Мады Майрæм (Богородицы), расположенного в горной зоне Северной Осетии-Алании. Формирующая основа комплекса – небольшой безапсидный храм и расположенная неподалеку оборонительная башня. По преданию, здесь до конца XVIII в. сохранялась особо чтимая икона Богородицы, впоследствии получившая широкую известность как Моздокская. Проведенный анализ позволяет предположить изначальный монастырский характер рассматриваемого комплекса.

Ключевые слова и фразы: храмовое зодчество; аланское православие; фортификация; монастырь; Моздокская икона.

Мамиев Михаил Эрнестович, к.и.н.

Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ
mikhailmamiev@yandex.ru

ХРАМОВЫЙ КОМПЛЕКС МАДЫ МАЙРÆМ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ-АЛАНИИ

В Куртатинском ущелье Республики Северная Осетия-Алания, неподалеку от с. Харисджин, в местности Цазиу, на высоком обрывистом берегу р. Цазиудон расположен интересный архитектурный комплекс, именуемый *Мады Майрæм* ('Мать Мария', 'Богородица' [1, с. 64]), или *Уæллемæсыг* (дословно – 'башня наверху', 'выше башни'), *Уæллемæсыджи дзуар* (здесь – 'храм, святое место верхней башни'). В народной памяти данный комплекс связывается с местом хранения чудотворной иконы Богородицы, которая после ее перенесения в конце XVIII в. в г. Моздок получила широкую известность как «Моздокская» [8]. Основные элементы комплекса – небольшой, 5,75 x 4,1 м [12, с. 68], безапсидный средневековый храм, посвященный *Мады Майрæм*, или Богородице, и расположенная в нескольких десятках метров к востоку от него одиночная средневековая башня с разрушенным верхом.

Храм и башня сооружены на небольшом, ориентированном по линии запад-восток скалистом гребне, отходящем от склона горы. На западной (у основания) и восточной оконечностях он имеет по выраженной возвышенности, которые разделены седловиной. Башня построена на скальном выходе восточной возвышенности, а храм – на искусственно выровненной площадке западной возвышенности. Основание храма находится выше основания башни, но симметрия их расположения на линии гребня задает определенный ритм и ощущение иерархии расположения по высоте. Южная сторона храмовой возвышенности сохранила следы искусственного зонирования пространства, формирующего три сужающихся к храму высотных уровня. Возможно, что это встречающееся в храмовом строительстве средневековой Алании моделирование Мировой горы, передававшее древнее индоиранское представление о трехчастном устройстве мироздания. Это представление и его социальные проекции, зафиксированные еще в скифской традиции, сохранились в Алании вплоть до нового времени [2; 6; 15, с. 14-17].

И башня, и здание храма ориентированы на восток, с небольшим отклонением к северу – погрешность, характерная для горной зоны. Направление ориентировки башни можно определить по арочному световому оконному проему в верхней части восточной стены. Северная и южная стены на этом уровне обрушены, но западная сохранилась, и по отсутствию на ней симметрично расположенного проема можно предположить, что он был один, направленный, как и алтарное окно церковного здания, на восток. Очень важно, что оба здания жестко связаны не только восточной ориентировкой, но и взаиморасположением – они построены таким образом, что северная стена храма и южная стена башни находятся ровно на одной линии. Кроме того, их северные стены находятся на минимальном расстоянии от обрыва. Это совершенно оправдано для фортификационного сооружения, но нецелесообразно для христианского храма. Оба сооружения имеют в плане схожие пропорции неправильных прямоугольников и, что особенно интересно, одинаковую внешнюю длину южных стен – 5,8 м.

Храм и башня синхронизированы не только по расположению, ориентировке, размерам, продуманной симметрии положения на отроге и выдержанной разнице высоты оснований. Нельзя исключать сходство техники кладки и наружной штукатурки стен. Старая храмовая штукатурка прослеживается в местах отпадения более позднего слоя, нанесенного, судя по всему, уже в начале XX в.

Каждое из вышеприведенных соответствий, взятое отдельно, можно рассматривать только как интересное наблюдение. Но их совокупность дает систему соответствий, которая позволяет рассматривать храм и башню как единый комплекс. Данный вывод подтверждается и народным названием *дзуара*.

Впервые оно было зафиксировано В. С. Толстым в 1848 г. в форме «Оламасеги дзуар» – *Уеламесыджи дзуар* [13, с. 67], «Дзуар верхней башни», или «Дзуар, принадлежащий верхней башне». Современное распространенное название – *Уеламесыг*, «башня наверху» или «выше башни», – это явно упрощенная форма названия, записанного В. С. Толстым. Мы сталкиваемся с противоречием, не характерным для местной топонимии, когда до сих пор действующий и один из наиболее почитаемых дзуаров верховьев Куртатинского ущелья имеет обезличенное название, основанное не на посвящении, а на привязке к полуразрушенной башне с забытой историей, которая отличается только заметным расположением и архаичным обликом. И это при том, что посвящение самого храма, *Мады Майраем*, хорошо известно, и именно он, а не фактически стертая из народного сознания башня занимает центральное место на обозначенном пространстве. Другими словами, укоренившееся и лексически правильное обозначение *над башней* не только не передается, но и искажает реальное соотношение указанных объектов. В. С. Толстой уходит от непонятной для него приуроченности храма к башне через неверный перевод названия: «Оламасеги дзуар – высокой горы церковь» [Там же], к горе, более привычному для понимания связи с храмом объекту. Показательно, что название *Уеламесыг* бытует, преимущественно, среди населения Куртатинского ущелья, тогда как приезжие в качестве названия используют посвящение дзуара – *Мады Майраем*.

Современное использование названия *Уеламесыг* можно объяснить его значительной укорененностью. Предшествующая же лексическая форма *Уеламесыджи дзуар* была возможна только при изначально иной смысловой нагрузке, отражавшей теперь уже утраченную взаимосвязь храма и башни. С этой точки зрения и следует рассматривать значение дошедшего до нас названия. Вариант *Уеламесыг*, даже при смысловом переводе «дзуар выше башни», отражает пространственную и семантическую разделенность объектов. Более ранний вариант – *Уеламесыджи дзуар* «дзуар верхней башни» – указывает на их взаимосвязь. В этом названии храм и башня оформляются в единый комплекс. Со временем произошла профанация смысла названия. В его новом значении стоящая на возвышенности необычная башня стала всего лишь визуальным маркером места нахождения храма.

Существует целый ряд средневековых аланских памятников, объединяющих храм и башню (укрепление) в единый сакральный комплекс. Наиболее яркий и показательный – *Бурдзиаты дзуар*, расположенный на гребне отрога над с. Дагом. Дзуар представляет собой развалины церкви и башни, построенных вплотную друг к другу на огромном валуне. Столь близкое расположение на ограниченной площади функционально нецелесообразно. С одной стороны, снижается обороноспособность башни, с другой – затрудняется выполнение обрядовых действий внутри и около храма. Оба комплекса – *Бурдзиаты дзуар* и *Уеламесыджи дзуар* – расположены на гребнях, а их храмы однотипны – безапсидные зальные базилики, схожие по размерам и планировке. Известны примеры сакрализации отдельных башен и их превращение в дзуары. Например, башня Туаевых в с. Бурмасыг (Тырсыгом) или Авддзуар близ с. Пуриат (Туалгом). Последняя представляет собой руинированную башню с круглой спинкой. Башни такого типа нехарактерны для севера Алании-Осетии [9].

Не исключена сакрализация и башни в местности Цазиу. Косвенное указание на это содержится в предании, приведенном А. Дз. Цагаевой, согласно которому внутри этой башни висел золотой котел [16, с. 223] – сакральный маркер для аланской (осетинской) традиции.

Башня рассматриваемого комплекса построена на скальном выходе восточной оконечности гребня. Судя по основательности сооружения, адаптации к рельефу местности, устройству и распределению амбразур, а также стратегическому расположению над дорогой вблизи места сужения Фиагдонской долины в Хилакское ущелье, башня изначально имела несомненное оборонительное значение, которое было утрачено до XVIII в.

На «Карте пограничной линии Российской империи», составленной в 1782 г. лично посетившим Куртатинское ущелье офицером Генерального штаба Л. Штедером, уделявшим особое внимание фиксации путей сообщения, дорога на данном участке примерно соответствует ее современному расположению. Но ни на карте, ни в письменном описании этого автора нет никаких указаний на наличие здесь башни. В случае существования действующего укрепления, расположенного в стратегическом месте, над специально отмеченной Л. Штедером магистральной дорогой, ведущей в соседнее Туальское общество, офицер-картограф не мог не зафиксировать столь значимый, отдельно стоящий объект фортификации. Что он и сделал применительно к расположенной выше по ущелью Хилакской заградительной стене [7, д. 25675; 17 с. 81]. Нет указаний на наличие башни в местности Цаззиу и у более раннего автора, царевича Вахушти, отметившего укрепление с. Кора, расположенного на соседнем магистральном перевальном пути в Алагирское ущелье [3, с. 144].

А. А. Сланов относит башню местности Цаззиу к немногочисленной группе сохранившихся аланских башен XIII-XV вв., образовавших единую государственную систему обороны ущелий, особенно актуальную в период монгольского господства на северокавказской равнине. В постгосударственную эпоху, когда оборона строилась автономно, внутри населенных пунктов, башни и иные фортификационные сооружения предшествовавшего государственного периода могли не использоваться в силу их уже не подходящего месторасположения [10, с. 227-228]. Видимо, тогда же оказалась заброшенной и башня *Уалламеасыг*. Косвенное подтверждение находим в дневнике Л. Штедера, в его общем обзоре Куртатинского ущелья: «Многочисленные развалины башен и стен на самых высоких возвышенностях говорят о древности места и о многих происшедших здесь изменениях» [17, с. 79].

Здесь же, в местности Цаззиу, выше по склону от храма, находятся остатки еще одного укрепления, которое В. Х. Тменов идентифицировал как заградительную стену по аналогии с соответствующими фортификационными сооружениями с. Гутиатыкау и с. Бугултыкау [11, с. 60; 12, с. 323]. А. А. Сланов не считает данное укрепление заградительной стеной [10, с. 218, 227]. Отсутствие специального исследования сохранившихся фрагментов кладки затрудняет идентификацию памятника. Но можно предположить, что это более раннее сооружение, не связанное с рассматриваемой башней [Там же, с. 227].

Между храмом и башней, ниже по южному пологому склону, фиксируется чашечный камень размерами приблизительно 2,3 x 1,1 м, погружившийся в дерновый слой до лицевой поверхности. Схожий с ним экземпляр находится неподалеку, в с. Лац. Первоначально этот чашечный камень лежал в другом месте [14, с. 82], но затем перемещался и теперь находится у полуразрушенной башни, известной как башня Тебиевых. Несмотря на неоднократно высказывавшиеся предположения, семантика и назначение чашечных камней до сих пор не выяснены. Но их сакральный характер и ритуальное значение не вызывают сомнений и, вероятно, восходят к глубокой древности. Неизвестно, с какой целью чашечные камни устанавливали в строительную кладку башен – в с. Корнис (Дзауы ком) или с. Пуриат (Туалгом). Но очевидно, что в процессе христианизации символика чашечных камней была переосмыслена. К примеру, в с. Згил (Туалгом) на высеченном блоке замкового комплекса вырезан равноконечный крест. Схожий блок вложен в кладку церкви Цминда Георгий у с. Чимас (Дзауы ком). Из чашечного камня вырезан и хорошо известный *Зылын цырт* – поклонный крест у с. Заманкул.

Значительная погруженность в дерновый слой чашечного камня местности Цаззиу указывает на древность священного места. Сохранение камня около церкви свидетельствует о переосмыслении его ритуального характера и включении в состав рассматриваемого комплекса. И, наконец, сюда может быть включен родник, расположенный в нескольких десятках метрах от храма, выше по склону. Сейчас родник почитается многими в качестве святого источника, и, что интересно, он находится примерно на одной линии с храмом и башней.

Местность храмового комплекса была удобна для устройства населенного пункта – существующий земельный фонд, пологий склон, наличие родника и реки, природная защищенность, близость магистральных дорог, основательная и выгодно расположенная башня – все это в условиях существовавшего малоземелья и дороговизны строительства фортификационных сооружений делало ожидаемым основание здесь небольшого села. Его отсутствие может объясняться изначальной святостью места, исключавшей постороннее строительство.

Можно предположить, что здесь находился скит или монастырь, включавший в себя небольшой, специально построенный богослужебный храм и башню с устроенными в ней кельями. В пользу этого говорит упоминаемая в преданиях связь с монастырями на скальных укреплениях Дзивгиса и Нузала [4, с. 101, 140; 5, с. 137; 13, с. 41]. Подобная идентификация позволяет объяснить вышеуказанную связь храмового комплекса *Мады Майраем* с первоначальным местом хранения Моздокской чудотворной иконы Богородицы.

Таким образом, ближайшее рассмотрение дзуара *Мады Майраем*, или *Уалламеасыг*, позволяет сделать несколько предварительных выводов. Во-первых, данный дзуар уверенно идентифицируется как единый средневековый христианский комплекс, центральным элементом которого является храм, сохранивший посвящение Богородице, а также находящаяся поблизости башня, имевшая не только оборонительное значение. Во-вторых, можно предположить изначально монастырский характер данного комплекса, появившегося, судя по архитектуре башни, не ранее XIV в. В-третьих, сделанные выводы согласуются с дошедшими до нас народными преданиями о длительном нахождении здесь Моздокской иконы Богородицы, которая в таком случае сохранялась в монастырском храме, расположенном вне населенных пунктов.

Несомненно, что комплекс *Мады Майраем* требует специального и обстоятельного изучения, включающего детальные архитектурные обмеры, археологическое обследование, анализ соответствующих фольклорных текстов и т.д. Предложенное предварительное рассмотрение указанного памятника свидетельствует о перспективности дальнейших исследований.

Список источников

1. **Абаев В. И.** Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4-х т. Л.: Наука, 1973. Т. II. 448 с.
2. **Бзаров Р. С.** Три осетинских общества в середине XIX века. Орджоникидзе: Ир, 1988. 152 с.
3. **Вахушти, царевич.** География Грузии. Введение, перевод и примечания М. Г. Джанашвили // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Тифлис, 1904. Кн. XXIV. Вып. 5. 242 с.
4. **Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.)** / сост. Б. А. Калоев. Орджоникидзе, 1967. 320 с.
5. **Пфаф В. Б.** Путешествие по ущельям Северной Осетии // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1871. Т. 1. С. 127-176.
6. **Раевский Д. С.** Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М.: Наука, 1977. 216 с.
7. **Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).** Ф. 846. Оп. 16.
8. **Сказание о чудотворной Иверской иконе Божией Матери.** Владикавказ, 1994. 66 с.
9. **Сланов А. А.** Башни с «округлой спинкой» на территории Осетии // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: материалы международной научной конференции (г. Махачкала, 23-28 апреля 2012 г.). Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 381-382.
10. **Сланов А. А.** Памятники Куртатинского ущелья. Фортификационные системы // Дарьял. 2004. № 1. С. 214-235.
11. **Тменов В. Х.** Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ: РИПП им. В. А. Гассиева, 1996. 440 с.
12. **Тменов В. Х.** Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1984. 344 с.
13. **Толстой В. С.** Сказание о Северной Осетии. Владикавказ: Иростон, 1997. 128 с.
14. **Уварова П. С.** Кавказ. Путевые заметки. М., 1887. 326 с.
15. **Фидаров Р. Ф.** Роль Верхнего Джулата в государственной идеологии Алании // Историко-филологический архив. Вып. 7. Владикавказ, 2011. С. 4-25.
16. **Цагаева А. Дз.** Топонимия Северной Осетии. Владикавказ: Ир, 2010. 624 с.
17. **Штедер Л. Л.** Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году / сост. Г. И. Цибиров. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2016. 368 с.

THE TEMPLE COMPLEX MADY MAIRAM IN THE REPUBLIC OF NORTH OSSETIA-ALANIA

Mamiev Mikhail Ernestovich, Ph. D. in History

*Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz
mikhailmamiev@yandex.ru*

The article is devoted to the interpretation of the medieval architectural complex of Mady Mairam (Mother of God), located in the mountainous region of North Ossetia-Alania. The forming base of the complex is a small nonapsidal temple and a nearby defensive tower. According to the legend, here until the end of the XVIII century the most venerable icon of the Virgin was preserved, later it became widely known as the Mozdok one. The conducted analysis allows us to assume the original monastic character of the complex under consideration.

Key words and phrases: temple architecture; Alanian Orthodoxy; fortification; monastery; Mozdok icon.

УДК 738.6

Искусствоведение

В статье автор исследует роль мелкой пластики и её семантику в культуре и искусстве Китая и Японии. Представлены краткий обзор развития мелкой пластики в этих странах, особенности её функционирования и стилистики. Одной из основных проблем является проблема интерпретации. Автор представляет существующие взгляды на данную проблему, предлагает рассматривать произведения с точки зрения их многофункциональности, не только учитывая традиционные трактовки о религиозном предназначении, но и принимая во внимание возможный votивный и декоративный контекст.

Ключевые слова и фразы: мелкая пластика; скульптура малых форм; мелкая пластика Китая; мелкая пластика Японии; проблема интерпретации мелкой пластики.

Митина Мария Николаевна

*Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург
mitina.mary@gmail.com*

РОЛЬ МЕЛКОЙ ПЛАСТИКИ И ЕЁ СЕМАНТИКА В КУЛЬТУРЕ КИТАЯ И ЯПОНИИ

Существует множество работ по отдельным видам искусства Китая и Японии разных периодов, а также об искусстве этих стран в целом. Зачастую, мелкая пластика рассматривается в рамках общих исследований